

УДК 821.161.1

ДОКУМЕНТАЛЬНОЕ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ В ПЬЕСЕ ИОНА ДРУЦЭ «ВОЗВРАЩЕНИЕ НА КРУГИ СВОЯ» – О ПОСЛЕДНИХ МЕСЯЦАХ ЖИЗНИ Л.Н.ТОЛСТОГО

© Е.Д.Джола

В настоящей статье исследуется процесс слияния документального и художественного в рамках драматического произведения. Молдавский драматург Ион Друцэ при создании пьесы о Льве Толстом «Возвращение на круги своя» располагал огромной документальной базой. Ион Друцэ учитывал все известные воспоминания о Толстом. Реальные мысли Толстого, его дневники и философские сочинения стали его репликами в диалоге, организовали сюжетную структуру. В то же время Легенда об умирающем волке, якобы сочиненная Толстым, цементирующая действие в пьесе, имеет ряд документальных вкраплений.

Ключевые слова: драматическое действие, документальные свидетельства, художественный вымысел, сюжетная структура.

Жизненная драма Толстого, завершившаяся его уходом из Ясной Поляны и смертью на глухой, заброшенной железнодорожной станции, занимала умы философов, писателей, религиозных деятелей, литературоведов весь XX век и не перестает волновать до сих пор. К 2010 году (к 100-летию со дня смерти писателя) на эту тему вышел ряд публикаций: «Лев Толстой: бегство из рая» П.Басинского; «Уйти ото всех. Лев Толстой как русский скиталец» И.Волгина; «Неизвестный Толстой: тайная жизнь гения» В.Жданова; «Уход и смерть Льва Толстого: корреспонденции, статьи, очерки» и позже «Лев Толстой и жена: Смешной старик со страшными мыслями» А.Шляхова; «Первая биография Льва Толстого: Разговоры о Толстом и с Толстым; Лев Николаевич Толстой, его жизнь, его творчество, его мировоззрение» Р.Левенфельда. Отличительной особенностью этих публикаций стал тот факт, что авторы XXI века, рассматривая творческий путь великого русского писателя, идут вслед за дневниковыми записями Толстого, чего не было раньше. Молдавский драматург Ион Друцэ демонстрирует колоссальное знание документальных материалов в 1970-х годах, задолго до образовавшейся тенденции.

Для Друцэ, сочинившего повесть, а потом пьесу «Возвращение на круги своя», в изучении причин ухода Толстого наиболее значимыми были архивные материалы, мемуары, дневники, письма, воспоминания родных и близких Толстого. Задачей драматурга было убедить своих современников в том, что решение уйти из Ясной Поляны было закономерным исходом всей жизни Толстого, оно отвечало всему тому, что любили и ценили читатели в гениальных произведениях автора. Драматург, будучи знаком со

многими противоречивыми оценками, для себя как художника в качестве позиции выбрал уважительное отношение к воле самого Толстого и к мнению тех близких людей, которым Толстой доверился в последние дни своей жизни (дочерям: Александре Львовне и Татьяне Львовне, Д.Маковицкому – личному лечащему врачу писателя, В.Черткову – сподвижнику Льва Николаевича в его духовном учении). Ион Друцэ стал одним из первых, кто представил художественное воспроизведение ухода Толстого. Думается, что уход писателя может быть воспринят как усиливающий и утверждающий его философию. Таким Толстой воспринимался Друцэ – Толстой до самого конца остался верен себе и своим убеждениям. Для достижения своей цели молдавский драматург выбрал жанр документальной драмы, в отборе и компоновке материала отдавая абсолютное предпочтение дневникам и письмам писателя.

Документ в пьесе направлен на проникновение в суть характера Толстого, поясняет монологи, мысли писателя. Для того чтобы наиболее полно реализовать задуманное, Друцэ создает в пьесе три образа Толстого: *Лев Николаевич Толстой; Толстой, размышляющий про себя и Толстой созидающий*. С первым и вторым Толстыми связана основная сюжетная линия, подтвержденная документами: показаны поступки Льва Николаевича Толстого и его отношения с окружающими, конфликт в Ясной Поляне, сопровождаемый комментариями *Толстого, размышляющего про себя*.

Другая сюжетная линия, создаваемая на протяжении всей пьесы *Толстым созидающим*, вымышлена драматургом. Это легенда о волке, который почувал смерть и отправился в свой по-

следний путь. Назначение этой линии до сих пор мало изучено исследователями и нуждается в особом освещении. На наш взгляд, эта линия важна и сама по себе в смысловом отношении, и для акцентировки композиционных узлов первой линии.

Как ранее было нами замечено, «пьеса развернута как драматическое произведение, в котором подчеркнута роль элементов сюжета: экспозиции – овладевающие Толстым мысли о завещании (труды писателя должны стать общим достоянием и не должны быть ничьим источником дохода, в том числе членов его семьи, уже получившим в наследство все его имущество); завязки – объявлению завещания единомышленникам Толстого; кульминации – ухода писателя из родового имения (ухода от жизни, в которой он не хотел и не мог больше участвовать); развязки – последних часов Толстого перед смертью, посвященных, как и его жизнь, духовной борьбе с насилием» [1: 109].

Состояние Толстого, на котором подробно останавливается Друцэ, определяет предконфликтную ситуацию, пока не выражающуюся решительными действиями. Подтверждение тому, что за последний год здоровье Толстого стало заметно ухудшаться, мы находим и на страницах книги Ильи Толстого «Мои воспоминания»: «Несколько раз с ним делались какие-то необъяснимые внезапные обмороки, после которых он на другой день оправлялся, но временно совершенно терял память... На другой день следы болезни исчезали совершенно» [2: 338].

Драматургу нужны бытовые подробности для того, чтобы показать, с одной стороны, насколько Толстой привязан к своей семье и оттягивает необходимый для него шаг, а с другой стороны, делают понятным, как поступки близких влияют на решение Толстого уйти из дома. Болезненное состояние Толстого как бы предопределяет дальнейший ход событий.

«В экспозиции озвучиваются размышления противоборствующих сторон. С одной стороны, Толстого, для которого противоречие между его нравственными убеждениями и укладом жизни яснополянского дома было мучительным. Причем слова героя в пьесе звучат убедительно, поскольку взяты из дневниковых записей Л.Толстого, ощущается их подлинность» [1: 110].

Толстой, размышляющий про себя. Едва ли есть в мире забытый, страдающий от бессилия бедняк, который бы чувствовал хотя бы сотую долю того, что чувствую я, видя весь ужас и насилие, окружающие нас. И, мучительно чувствуя все это, я тем не менее живу в развращенной

среде богатых и не могу, не нахожу в себе силы уйти из нее [3: 280].

С другой стороны, мы слышим размышления Софьи Андреевны в ее комнате, не желающей считаться с убеждениями мужа.

Софья Андреевна. Каковы бы ни были твои убеждения, какова бы ни была твоя вера, я не дам пустить по миру детей [3: 280].

В том же безмолвном диалоге (он имеет документальное подтверждение) [4], находящихся в разных комнатах, размышляющих про себя, но отчетливо слышащих друг друга героев определены намерения обеих сторон, которые неминуемо должны привести к конфликту. Софья Андреевна обосновывает свое право распоряжаться трудами Толстого.

Софья Андреевна. Я всю жизнь была самым близким и верным другом, я нарожала тебе полон дом детей, я переписывала твои бумаги бесчисленное количество раз [3: 281].

В экспозиции определен предмет борьбы – завещание. Однако И.Друцэ не поясняет читателю (зрителю), тот факт, что до написания завещания 1910 года Лев Толстой юридически уже отписал все свои права на имущество своим детям, сделав Софью Андреевну полноправной хозяйкой Ясной Поляны, тем самым еще больше усложнив свое положение. Мучительными для Толстого были отношения с мужиками-крестьянами, в глазах которых он оставался, по-прежнему, хозяином Ясной Поляны. Друцэ показывает хитрость крестьян, желающих получить копейку от барина, но все оправдывается их нищенским существованием. Об этом думает и Толстой при посещении старушки Курносенковой, которой дает «пятак на черный день». А она оказывается не той Курносенковой, к которой он шел, но тоже нищей.

Нанятый Софьей Андреевной черкес Ахмет который через барский лес не пускает, избивает крестьян, вызывает гнев Толстого.

Лев Николаевич. Соня, почему в наших лесах бьют людей, которых я учил грамоте в своей школе, чтобы облегчить им жизнь? И кто этот Ахмет, откуда он взялся в нашем доме? [3: 297].

Софья Андреевна твердо убеждена, что все крестьяне пьяницы и бездельники, и никакой взрыв толстовского возмущения не может заставить ее уволить Ахмета.

Софья Андреевна. Наняла, чтобы он не дал срубить наши леса, чтобы нас не подожгли в нашем же доме! [3: 297]

Как следствие Толстой воспринимает бедность и эту беспросветную нищету еще острее: «У меня такое чувство, точно меня прогоняют

сквозь строй, и каждый бьет по моему телу, и нет конца ни строю, ни ударам» [3: 295].

Последней каплей становится событие, подробно описанное в воспоминаниях В.Булгакова, личного секретаря Толстого, [5: 383] и Александры Львовны [6: 493]: думая, что Лев Николаевич спит, «Софья Андреевна стоит в кабинете с горячей свечой и роется в его бумагах» [3: 323]. В этот момент Толстой понимает, что он, больной и немощный, не волен над своей жизнью. Полностью оказавшись в руках Софьи Андреевны, он может лишиться и своей духовной свободы. Несмотря на грозное предупреждение, уже сделанное Толстым вслух, Софья Андреевна роется в его бумагах. Поэтому Лев Николаевич принимает твердое решение уехать.

Толстой, размышляющий про себя. Теперь я уеду. Уеду немедленно, этой же ночью... [3: 323].

Смысл развязки – сцены в доме на станции Астапово – в том, что смертельно больной Толстой не прекращает духовной работы. Уход из Ясной Поляны – не уход от главной проблемы духовной жизни: бороться против лишений и страданий других. В последние минуты своей жизни писатель редактирует продиктованное накануне в вагоне поезда начало статьи о смертной казни. Сцена находит подтверждение в воспоминаниях младшей дочери Толстого Александры [6: 394]. Обращаем еще раз внимание на то, что все события пьесы Друцэ находят документальное подтверждение в дневниках и письмах Толстого, воспоминаниях близких и окружающих. И главные сюжетно-композиционные узлы, и расположенные между ними сцены, и звучащий к ним комментарий показывают верность драматурга историческим реалиям. Они позволяют оценить последние события жизни Толстого с точки зрения самого писателя. В пьесе о Толстом легенда о волке, представляющая восприятие всяким существом жизни перед смертью композиционно является параллелью последним месяцам жизни писателя и вполне вписывается в контекст публицистических статей Толстого последних лет, дневниковых записей, последних писем близким людям.

Исследователи творчества молдавского драматурга обратили внимание на его глубокую связь с румынским фольклором. В пьесе «Возвращение на круги своя», далекой от национальной жизни автора, это влияние проявилось при создании сюжетной линии волка. Исследовательница И.Прокофьева, изучающая то явление в румынском фольклоре, которое «выражает единство до смерти человека и природы» [7: 10], называет его «миоритической свадьбой». Одним из

самых ярких поэтических образов во всей румынской национальной поэзии исследовательница считает народную балладу «Миорица», которая выражает «некие основные черты национального менталитета – чувство органичного единства природы и человека и, несмотря на трагизм бытия, признание его конечной гармонии» [7: 21].

Другая исследовательница, В.Федоренко, в статье «Между вечностью и миготом» указывает на сходство народной баллады и пьесы о Толстом: «в обоих случаях в художественной форме осмысливается описание смерти». В.Федоренко справедливо замечает, что «Баллада о волке – это постижение конца живого существа, отражение общих законов природы» [8: 31]. Однако она не анализирует толстовского осмысления жизни и смерти живого существа, не обращается к творчеству Толстого. Под ее наблюдение попадает только пьеса Иона Друцэ. Между тем баллада о волке навеяна не только национальным фольклором, но и творчеством самого Толстого.

Документальная пьеса о Толстом написана молдавским драматургом в иной творческой манере по сравнению с его же драмами «Каса Маре», «Птицы нашей молодости», «Святая святых» и другими. Толстой у драматурга говорит не языком Друцэ, а собственным языком: своих писем, дневников, своих статей. И с этим действительно толстовским языком соседствует (приписываемый Толстому) вымышленный драматургом рассказ о том, как волк, почуяв, что пришел его смертный час, уходит в непроходимые глубины леса, чтобы никто не мешал ему совершить переход в смерть, в небытие. Рассказ, рождающийся на наших глазах, соотносится с тем, как готовится к смерти сам Толстой – осознает необходимость ухода из Ясной Поляны. Эта мысль, которую Друцэ пытается донести до зрителя (читателя), не является мыслью самого драматурга – ее мы находим в письме Толстого к Софье Андреевне Толстой от 8 июля 1897 года: «Как всякому религиозному человеку хочется последние года своей жизни посвятить богу, а не шуткам, каламбурам, сплетням, теннису, так и мне всеми силами души хочется этого спокойствия, уединения, и хоть не полного согласия, но не кричащего разногласия с своими верованиями, с своей совестью» [9: 401].

Исследовательница Вера Максимова заметила в сочиненной Друцэ легенде о волке «тончайшую стилизацию толстовской прозы» [10]. Верная мысль, к сожалению, не была развернута и доказана. Читатель может вспомнить сцену охоты на волка в романе «Война и мир». Литературовед М.Б.Храпченко полагает, что основной

«фокус» этого повествования – человек и природа: общение с природой «ослабляет воздействие на человека фальшивых условностей повседневного бытия» [11: 417]. Сказанное о Толстом периода «Войны и мира» напрямую не соотносится с убеждениями последних лет его жизни. На наш взгляд, легенда о волке, написанная о завершении жизни живого существа, соотносится с другим толстовским произведением, «Холстомером» («История лошади»), – о жизни и смерти пегого мерина. Примечательно, что Толстой начал свою повесть вслед за «Севастопольскими рассказами» (1861), а окончил после «Исповеди» (1885).

Именно «История лошади», на наш взгляд, близка произведению Друцэ. Животные в повести Толстого способны рассуждать о прожитой жизни, анализировать ее основные этапы, принимать серьезные решения. В пьесе Друцэ Толстой пишет: «И волк наконец решил. Он был старым, мудрым волком. Он принял самое важное в своей жизни решение... и пошел в свой последний путь» [3: 279]. В «Истории лошади» Толстого читаем: «В их службе (у гусарского офицера) я потерял лучшие свои качества и половину жизни. Тут меня опоили и разбили на ноги. Но несмотря на то, это было лучшее время моей жизни» [12: 29].

Толстой рассказывает нам жизнь пегого мерина, прозванного Холстомером за его широкий шаг, и все пережитые им страдания с самого его рождения и вплоть до того момента, когда пегий, уже на склоне лет, попадает верховым под седло к табунщику. Писатель изобразил внутреннее состояние лошади на разных этапах жизни Холстомера. Через судьбу пегого мерина – и, во многом, сквозь его восприятие – читатель погружается в область человеческих состояний и отношений. Писатель заставляет своего героя Холстомера задуматься и углубиться в общечеловеческие проблемы бытия: Что такое люди? Почему они несправедливы? От чего зависит женская любовь? Что такое собственность, и кто на нее имеет право?

Холстомер размышляет, как человек. Он анализирует не только мир вокруг себя, но и свое духовное развитие: «Я уже и прежде показывал склонность к серьезности и глубокомыслию... Я задумывался над несправедливостью людей... о любви... и главное, над свойствами той странной породы животных, которых мы называем людьми» [12: 23]. Толстой словно сливается со своим героем, «сделавшись лошадей», но не перестав быть и человеком.

Хорошо зная характер и повадки животного, Толстой наделил его сознанием человека: «То, что они говорили о сечении и о христианстве, я

хорошо понял, – но для меня совершенно было темно тогда, что такое значили слова: моя земля, мой воздух, моя вода» [12: 24].

Общий идейный смысл «Холстомера» и «Возвращения на круги своя» и схож, и различен. Огромное сходство проявляется в манере показать через сознание животного через его чувства и ощущения. Однако есть и существенные различия: лошадь как бы подчиняется жизни людей, волк же находится в подчинении лишь у собственной воли и прожитой жизни. Волк у Друцэ чувствует жизнь, понимает обстоятельства согласно своей волчьей природе: «ему нестерпимо хотелось жить. Возглавить стаю, выследить жертву, подражаться из-за молодых волчиц, умножить свой род» [3: 305]. И в то же время он понимает больше обычного волка: «Теперь воспоминания не мучили его, и в прошлом, так же как и в будущем, оставалась одна пустота» [3: 299]. Волк не может допустить, чтобы кто-либо увидел его одиноким и беспомощным – «он шел, потому что суждено ему было не только родиться и прожить свою жизнь волком, но еще и волком умереть» [3: 292]. Все его существо стремится к тому, чтобы самому принять конец: «Оставался еще какой-то запас сил, и честность по отношению к жизни требовала сначала израсходовать все силы до конца, и только потом принять небытие» [3: 297].

Подобный психологизм, явно выходящий за пределы сознания животного, позволил Друцэ в самом тексте легенды соединить жизнь Толстого и жизнь волка: «Он знал, что вместе с опадающей желтой листвой приходит время облавы, время охоты на волков... Во всей Российской империи, от мелкого чиновника до самых высокопоставленных вельмож, все стали готовиться к облаве» [3: 282]. Охота на волка соотносится с попытками властей заставить молчать графа-писателя, который своими философскими идеями и критическими выступлениями («Не могу молчать») подрывал устои их существования.

«Холстомер» сказывается более непосредственно в произведении Друцэ упоминанием о лошади, на которой ездил Толстой – о Дэлире. В пьесе Толстой отказался от верховой езды после посещения Ясной Поляны крестьянами-толстовцами, смущенными газетной заметкой: «Старый граф что ни день выезжает на прогулку верхом на прекрасной породистой лошади... не вяжется же... с учением нашим» [3: 283].

Лев Николаевич (вздыхнув, конюху). Отведи Дэлира на кузницу, передай, пусть раскуют подковы и отправят его в общий табун [3: 291].

В действительности этого не было: от «программы» верховых прогулок Лев Николаевич от-

ступал, по воспоминаниям секретаря Толстого В. Булгакова, редко: «Опять поехал с Львом Николаевичем» (запись от 28 мая 1910 года) [5: 231]. В дневнике Толстого находим краткую запись от 23 октября 2010: «Ездил верхом» [4: 410]. Друцэ отступил от документальных свидетельств, вероятно, чтобы подчеркнуть, как важно было для Толстого мнение простых людей о его жизни. Чрезвычайную важность для Друцэ имел и сочиненный в бреду крик умирающего Толстого: «Дэлир! Куда вы его уводите?! Не надо снимать с него подковы, не гоните его в общий табун!» [3: 324]. Это восклицание умирающего писателя должно было напрямую связать историю его последних дней с философией Холстомера.

Однако история Холстомера с толстовским осмыслением жизни, которую хотел напомнить Друцэ, не стала параллелью воспроизведенным дням жизни Толстого. Безропотно и смиренно Холстомер принял не только свою суровую жизнь, но и смерть, когда его повели на бойню: «Лечить, верно, хотят, – подумал он. – Пускай» [12: 40]. Как ни приветствует Толстой идею согласия и примирения, однако, в пьесе (и в дневниковых записях) отстаивает до конца дней своих духовную свободу, поэтому параллелью последним дням Толстого Друцэ делает сознание идущего в последний путь волка, проявляющего свободу воли, уходящего от облавы, поскольку смысл толстовского решения отстоять свободу. Ему больше подошел образ свободолюбивого волка из румынского фольклора. Однако философское содержание повести соотносится с конфликтом, который разворачивается в Ясной Поляне, как его показывает Друцэ.

Чтобы понять идейно-эмоциональное содержание толстовской повести, необходимо принять во внимание некоторые особенности философии и психологии писателя в 1880-е годы, которые нашли свое отражение в публицистических произведениях Толстого, а затем и в самой повести.

Так, «Исповедь» (1879-1881) описывает этап исканий Толстого, на котором писатель признал себя паразитом, производящим только развлекающие других паразитов книжки, а потому и не имеющим для самого себя никакого смысла. Писатель ищет смысл человеческой жизни и приходит к выводу, что «жизнь есть бессмысленное зло». Тогда возникает закономерный вопрос: «Как же так? Зачем оно (человечество) живет, когда может не жить?» [13: 135]. Вслед за этим рождаются мысли о смерти или самоубийстве, которые представляются совершенно законным и правильным решением всех проблем.

В повести «Холстомер» тема вечного движения жизни переплетается с раскрытием существ-

вующей в мире несправедливости. Распространение на внесоциальный мир многих понятий, свойственных человеческой среде, обостряет воплощение той и другой темы.

Эта мысль была изложена Толстым в трактате «О жизни». Автор пишет: «Животная личность, стремясь к благу, стремится каждым дыханием к величайшему злу – к смерти. А чувство любви влечет человека к последней жертве своего плотского существования для блага других» [14: 78]. Толстой пришел к убеждению, что для человека, познавшего истинный смысл жизни, смерти не существует. Его освобождает от смерти духовное рождение. Смерть живого существа, последствия этой смерти являются закономерностью природы, в которой все естественно и целесообразно. По мнению Толстого, если стремиться к благу для других, то жизнь после смерти продолжается.

Таким образом, «Холстомер» создан в полном соответствии с толстовскими публицистическими и философскими размышлениями, что не раз отмечали исследователи. Для автора важно, что смерть Холстомера стала продолжением жизни маленьких волчат, его кости и мясо ели собаки, воронье и коршуны. «Пошли в дело» даже мослаки и череп лошади. Его смерть оказалась так же проста и естественна, как и жизнь. Она замкнула круг его существования, влившись в общий круговорот бытия природы.

Тема жизни и смерти звучит и в других рассказах Толстого: «Смерть Ивана Ильича» (1882-1886) и, впервые, в рассказе «Три смерти» (1859). Личностное сознание умирающей барыни, надеющейся на выздоровление, разобщает ее с близкими. Поэтому она мертва еще при жизни (заметим, как и Краснопольский в «Истории лошади»). Смерть срубленной ясенки напоминает смерть Холстомера. Дерево дает простор, жизнь другим деревьям. Мир Холстомера, мир природы оказывается у Толстого способным преодолеть отчуждение, отчего сама смерть перестает быть страшной, а неудавшаяся, жестокая жизнь перестает быть бессмысленной. Не только потому, что мясо и кости мерина пошли в дело и растворились в круговороте природы. Но еще и потому, что исповедь Холстомера принята его сородичами, он оставил другим свое миропонимание. Природа приняла его так, как он того заслуживал, – «величественно-гадкого» [12:11] своей старостью, невиновного в даром прошедшей жизни, непричастного ко злу, сохранившего любовь к прекрасному. Для Толстого важно соединение животных со всей природой. Это слияние, ощущение могущества жизни волнует его. Лошадиные стремления и чувства Толстой сопоставляет с тем вечным движением жизни, которое происходит в природе.

М.Ю.Белянин, исследуя художественную антропологию позднего Л.Н.Толстого, высказал предположение, что «для Толстого очевидно – смерть духовная неизбежно ведет к смерти физической, но, с другой стороны, истинная, духовная жизнь не уничтожается со смертью в земном времени и пространстве, поскольку она вне времени и пространства» [15: 139].

В пьесе Друцэ параллелизм линии волка и последних месяцев жизни писателя в Ясной Поляне имеет свои границы. Толстой не ставит себе целью прекратить свое физическое существование в отличие от волка. Друцэ делает очевидным тот факт, что Л.Н.Толстой своим уходом из Ясной Поляны совершает нравственный подвиг, утверждая им свои представления о свободе творческой, о совести человека, о правде и истине жизни. В то же время образная параллель усиливает впечатление от решающего поступка.

Таким образом, легенда о волке согласуется с контекстом толстовской прозы и публицистики последних лет. На наш взгляд, выбор произведения, на которое ориентировался Друцэ («Холстомер»), чтобы описать духовную жизнь и сознание животного, вполне закономерен и обоснован. Однако параллелью последних дней жизни Толстого стала не история Холстомера, а сознание идущего к своей кончине волка, что соответствует румынскому фольклору, в котором образ свободолюбивого волка имел весомое значение. Друцэ удалось показать через драматическое действие творческую сторону жизни писателя, соединив в пьесе законы драмы с исторической достоверностью.

1. Джола Е.Д. Выбор документа как основы конфликта в пьесе Иона Друцэ «Возвращение на круги своя» // Вестник ТГПУ, 2013. – № 2. – С.108 – 113.

2. Толстой И.Л. Мои воспоминания. – М.: XXI век – Согласие, 2000. – 464 с.
3. Друцэ И. Возвращение на круги своя / Друцэ И. Святая святых: Пьесы. – М.: Сов. писат., 1984. – С. 278 – 326.
4. Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22-х т. – Т.22. Дневники. 1895 – 1910. – М.: Худож. лит., 1985. – 559 с.
5. Булгаков В.Ф. Л.Н. Толстой в последний год его жизни. – М.: Правда, 1989. – 448 с.
6. Толстая А.Л. Отец. Жизнь Льва Толстого. – М.: СПАРК, 2001. – 608с.
7. Прокофьева И.Н. Народная баллада «Миорица» в контексте румынской литературы XIX – XX веков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 22 с.
8. Федоренко В. Между вечностью и мигмом // Континент, 2008. – № 137. – С. 29 – 34.
9. Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22-х т. – Т.19 – 20. Письма. 1882 – 1910. – М. Худож. лит., 1984. – 879 с.
10. Максимова В. Все живет, имеет душу и голос / Друцэ И.П. Святая святых: Пьесы. – М.: Советский писатель, 1984. – С. 398 – 415.
11. Храпченко М.Б. Реализм Льва Толстого // Л.Н.Толстой. Сборник статей. – М.: Просвещение, 1955. – С. 368 – 418.
12. Толстой Л.Н. Холстомер / Собрание сочинений: В 22-х т. – Т.12. Повести и рассказы. 1885 – 1902. – М.: Худож. лит., 1978. – С.7 – 42.
13. Толстой Л.Н. Исповедь // Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22-х т. Т. 16. Публицистические произведения. 1855 – 1886. – М.: Худож. Лит., 1983. – С. 106 – 166.
14. Толстой Л.Н. О жизни // Толстой Л.Н. Собрание сочинений. В 22-х т. – Т. 17. Публицистические произведения. 1886 – 1908. М.: Худож. лит., 1984. – С. 7 – 136.
15. Белянин М.Ю. Художественная антропология позднего Л.Н.Толстого: дис. ... канд. филол. наук. – Липецк, 2007. – 193 с.

FICTION AND NON-FICTION IN I.DRUTSE'S PLAY «COME FULL CIRCLE» – ABOUT THE LAST MONTHS OF TOLSTOY'S LIFE

E.D.Dzhola

In this article the process of fiction and non-fiction merging is researched within the frame of the dramatic work. When creating the play *Come Full Circle* about Leo Tolstoy, the Moldavian playwright I.Drutse had a huge documentary base. Ion Drutse took into account all known memories about Tolstoy. Tolstoy's real thoughts, his diaries and the philosophical writings became his remarks in the dialogues and organized the plot line. At the same time, *The Legend of the Dying Wolf*, supposedly written by Tolstoy, cements the development of the action in the play, having a number of documentary inclusions.

Key words: dramatic action, documentary evidences, fiction, plot structure.

1. *Dzhola E.D.* Vybora dokumenta kak osnovy konflikta v p'ese Iona Drutse «Vozvrashchenie na krugi svoya» // *Vestnik TGPU*, 2013.– № 2. – S.108 – 113. (In Russian)
2. *Tolstoy I.L.* Moi vospominaniya. – M.: XXI vek – Soglasie, 2000. – 464 s. (In Russian)
3. *Drutse I.* Vozvrashchenie na krugi svoya / Drutse I. Svyataya svyatykh: P'esy. – M.: Sov. pisat., 1984. – S. 278 – 326. (In Russian)
4. *Tolstoy L.N.* Sobranie sochineniy. V 22-kh t. – T. 22. Dnevnik. 1895 – 1910. – M.: Khudozh. lit., 1985. – 559 s. (In Russian)
5. *Bulgakov V.F.* L.N.Tolstoy v posledniy god ego zhizni. – M.: Pravda, 1989. – 448 s. (In Russian)
6. *Tolstaya A.L.* Otets. Zhizn' L'va Tolstogo. – M.: SPARRK, 2001. – 608s. (In Russian)
7. *Prokof'eva I.N.* Narodnaya ballada «Mioritsa» v kontekste rumynskoy literatury XIX – XX vekov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – M., 2008. – 22 s. (In Russian)
8. *Fedorenko V.* Mezhdru vechnost'yu i migom // *Kontinent*, 2008. – № 137. – S. 29 – 34. (In Russian)
9. *Tolstoy L.N.* Sobranie sochineniy. V 22-kh t. – T. 19 – 20. Pis'ma. 1882 – 1910. – M.: Khudozh. lit., 1984. – 879 s. (In Russian)
10. *Maksimova V.* Vse zhivet, imeet dushu i golos / Drutse I.P. Svyataya svyatykh: P'esy. – M.: Sovetskiy pisatel', 1984. – S. 398 – 415. (In Russian)
11. *Khrapchenko M.B.* Realizm L'va Tolstogo // L.N.Tolstoy. Sbornik statey. – M.: Prosveshchenie, 1955. – S. 368 – 418. (In Russian)
12. *Tolstoy L.N.* Kholstomer / Sobranie sochineniy: V 22-kh t. – T.12. Povesti i rasskazy. 1885 – 1902. – M.: Khudozh. lit., 1978. – S.7 – 42. (In Russian)
13. *Tolstoy L.N.* Ispoved' // Tolstoy L.N. Sobranie sochineniy. V 22-kh t. T. 16. Publitsisticheskie proizvedeniya. 1855 – 1886. – M.: Khudozh. Lit., 1983. – S.106 – 166. (In Russian)
14. *Tolstoy L.N.* O zhizni // Tolstoy L.N. Sobranie sochineniy. V 22-kh t. – T. 17. Publitsisticheskie proizvedeniya. 1886 – 1908. M.: Khudozh. lit., 1984. – S. 7 – 136. (In Russian)
15. *Belyanin M.Yu.* Khudozhestvennaya antropologiya pozdnego L.N.Tolstogo: dis. ... kand. filol. nauk. – Lipetsk, 2007. – 193 s. (In Russian)

Джола Елена Дмитриевна – преподаватель Центра русского языка и культуры Школы региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета.

690090, Россия, Владивосток, ул. Алеутская, 65.
E-mail: dzhola@mail.ru

Dzhola Elena Dmitrievna – lecturer, Center of Russian Language and Culture, School of Regional and International Studies, Far Eastern Federal University.

65 Aleutskaya Str., Vladivostok, 690090, Russia
E-mail: dzhola@mail.ru

Поступила в редакцию 15.05.2014